

ПРИЛОЖЕНИЕ

PALAEPHATI DE INCREDIBILIBUS

ПАЛЕФАТ.

О НЕВЕРОЯТНОМ

Перевод с древнегреческого, вступительная статья и комментарии

В. Н. Яро

Под именем Палефата до нас дошло небольшое, весьма своеобразное сочинение, целью которого было рациональное объяснение событий, казавшихся невероятными. Поскольку все эти события принадлежат к области мифов, то книжечка Палефата представляет собой, таким образом, весьма любопытный документ рационалистической критики мифа, подводящий итог примерно полуторавековому пути развития этой отрасли общественной мысли древних греков. Значение работы Палефата определяется не в последнюю очередь и тем, что труды его предшественников дошли до нас только в незначительных отрывках.

Личность Палефата остается для нас в значительной степени загадочной. Более или менее связные сведения о Палефате — и притом не об одном, а о целых четырех — содержит словарь «Суда». Такое количество лиц, якобы носивших имя Палефат, с самого начала кажется подозрительным, так как больше это имя нигде в древнегреческих источниках не встречается, да и вообще греческие имена собственные, содержащиеся в качестве первой части наречие Πάλαι являются главным образом географическими

названиями¹. Поэтому не лишено оснований предположение, что Палефат вообще является достаточно прозрачным псевдонимом, заимствованным из языка эпоса и поэзии и обозначающим нечто «давно изреченное». Однако какое-то реальное лицо должно было все-таки стоять за этим псевдонимом, и поэтому нам так или иначе не избежать сообщения «Суды».

Первого из называемых в нем Палефатов — некоего афинского эпического поэта, вероятно, целиком вымышленного, мы можем здесь оставить без рассмотрения. Из трех остающихся один отнесен в словаре ко времени Артаксеркса (которого из трех?), назван Πάριος (с острова Пароса или из города Париона, на берегу Геллеспонта?) или Πριηνεύς; словарь считает его автором сочинения о невероятном в пяти книгах (ἀπίστον βιβλία ε'), не добавляет, что некоторые признают автором этого произведения Палефата из Афин. Об этом втором Палефате, афиняне или египтянин, сообщают, что он сочинил «Египетскую теологию», «Историю Трои» (впрочем, некоторые относят ее к первому из названных выше Палефатов), а также книгу о мифах (μυθικῶν βιβλίον α') и еще одну, содержащую «разгадки» (λόσεις) того, что называют «мифическим». Есть, наконец, третий Палефат, историк из Абидоса, современник Александра Македонского и любимец Аристотеля, написавший наряду с сочинениями о Кипре, Делосе, Аттике и Аравии. «Исследование о необычном» (περὶ παραδόξων ιστορία), — объем его, со ссылкой на Филона, определяется в одну книгу.

Сопоставляя сведения о трех Палефатах, мы видим, что каждому приписывается сочинение о невероятном или необычном, а одному из них — также «разгадки» этого невероятного, содержащегося, естественно, в мифах. Сюда прибавляется еще свидетельство позднего александрийского риторика Элия Теона о некоем Палефате — перипатетике, сочинившем «целую книгу под названием „О невероятном“, в которой все это объясняется»². По-видимому, три Палефата, «вычлененные» в «Суде» из ближе неизвестных источников, сходятся в одном³ — уроженце Малой Азии (из Абидоса или Париона), жившем в IV в. до н. э. и прошедшем выучку у Аристотеля, — вероятно, в то время, когда тот жил в Атарне. С этой датировкой совпадут ссылки и на Александра Македонского, и на Артаксеркса III — Оха, царствовавшего с 358 по 338 г. Что Теон называет Палефата перипатетиком, не должно вызывать удивления, коль скоро тот был учеником Аристотеля, хотя в дальнейшем предпочел философии историю⁴ и критику мифа. Возможно, что Палефат вместе с Аристотелем прибыл в Афины (поэтому он — «афинянин»), а после смерти учителя переехал к дворцу Птолемея в Александрию (поэтому он — «египтянин»).

Остается только объяснить расхождение в данных относительно объема сочинения «О невероятном»: было оно в пяти книгах или в одной? Скорее всего, из первоначального произведения большего объема было со временем сделано извлечение (эпитома) в одной книге; так на нее ссылаются, кроме Теона, также Проб в комментариях к «Георгикам» Вергилия (III.

¹ Из 20 имен собственных, начинающихся в языке классической эпохи с Παλα- и зарегистрированных в словаре Пале, к человеку относится только Παλαζιχθω — имя отца легендарного аргосского царя Паласа у Эсхила (Suppl. 250, 348), но и здесь оно является достаточно прозрачным символом в духе эсхилловских неологизмов.

² Theon. Progymnasmata. 6 // Rhetores Graeci / Ed. L. Spengel. Bd 2. Lipsiae, 1854.

³ Festa N. Prolegomena // Mythographi Graeci III.2. Palaephutus, Heraclitus, Excerpta Vaticana / Ed. N. Festa. Lipsiae, 1902. P. XXX—XL; RE. S.v. Palaephatos // 36 Hlbd. 1942. Sp. 2550 ff. (Blumenthal).

⁴ Четыре незначительных фрагмента мифолого-географического содержания см. FGtH. Bd I. 1923. № 44.

113) и трижды — Евсевий, цитирующий Палефата неоднократно ⁵. Судя по дошедшему до нас тексту «О невероятном», более поздняя эпитома тоже не один раз подвергалась дополнениям и переделкам. Так, еще в издании Вестерманна к публикуемому сейчас составу текста добавлялись содержащиеся в нескольких рукописях главы «Об изобретении порфира» и «Кто первый изобрел железо», не имеющие отношения ни к невероятному, ни к его объяснению.

В результате сейчас в целом ряде случаев трудно сказать, что в нашем тексте принадлежит самому Палефату, а что является следствием более поздней обработки. Поэтому и самое имя Палефата будет в дальнейшем служить нам достаточно условным обозначением автора сочинения «О невероятном» как некой данности, поддающейся все-таки определенному анализу.

Прежде всего ясно, что из сохранившихся 52 глав последние семь (по изданию Фесты, взятому для перевода) присоединены к основному корпусу в византийское время совершенно механически и без понимания смысла остальных глав. В то время как предшествующие 45 глав построены все по одной схеме (содержание мифа, опровержение; объяснение того, как он возник), в последних семи просто излагается миф без малейших попыток его истолкования, не говоря уже об опровержении. Заметим кстати, что эти последние главы сохранились только в части рукописей, и притом худших, откуда они и попали в первое печатное издание Палефата, выпущенное Альдом Мануцием в 1505 г. Второе, что сразу бросается в глаза, это различного рода несообразности в соединении глав основного корпуса, пропуски сведений, которые, казалось бы, являются обязательными при связном изложении, и некоторые другие неувязки. Так, вполне закономерно гл. XIV, повествующая о превращении Каллисто в медведицу, присоединяется к гл. XIII, рассказывающей о превращении Меланиона и Аталанты в льва и львицу, словами: «И о Каллисто существует такая же история». Аналогичным образом гл. XXVII присоединяется к XXVI («И про этого Главка говорят...») и гл. XXVIII — к гл. XXVII (лернейская Гидра так же была не чудовищем, а крепостью, как Кит, угрожавший троянцам, — дарем, носившим это имя). Но в начале гл. XXV мы читаем про другого Главка, «что и он был растерзан конями», хотя в предыдущей гл. XXIV об этом нет ни слова. По смыслу гл. XXV примыкает к гл. VII (о конях Диомеда), конец которой явно потерян, ибо ничего не сообщается о том, что кони, в конце концов, растерзали самого хозяина. Гл. XXVI начинается со слов «И эта история совершенно смехотворная» (ср. начало гл. XXXI); гл. XXXV — «И много других рассказывали нелепостей». Прямое примыкание к предыдущим главам эти фразы не содержат.

В гл. II под конец называется имя Минотавра, но более естественным было бы встретить его в начале рассказа, где оно почему-то выпало. В гл. XIII — явная путаница по поводу того, кто превратился в львов — Меланион с Аталантой или ее спутники? Вероятно, в начальной редакции сообщалось, что люди из свиты Аталанты в поисках хозяйки зашли в ту же пещеру и тоже стали жертвой львов; о том, что эта участь постигла и самих героев, приходится только догадываться на основании следующего рассказа. В гл. XXXI получается, что Ливия и Карфаген расположены по ту сторону Гибралтара (Геракловых столпов). В гл. XXXII опровергается существование амазонок, но в гл. IV амазонкой названа Сфинга.

⁵ RE. S.v. Palaephatos. Sp. 2552 f.

В гл. XLIII — ненужное повторение об искусстве Медеи. В гл. II, XXIII, XXX, XLII — явные пропуски.

Достаточно однообразное построение каждой главы («говорят, что... — но это невозможно, потому что... — на самом деле было вот как») создает представление и о бедности аргументации Палефата. На самом деле это не совсем так, и мы можем найти у него определенные методологические принципы, положенные в основу критики мифа. При этом Палефат отнюдь не является первооткрывателем каких-то новых методов, а, напротив, выступает как человек, который завершает достаточно длительную традицию, представленную в первую очередь именами Гекатея и Геродора из Гераклеи, но нашедшую отражение также у Акусилая, Ферекида⁶, Геродота и отчасти у Эфора⁷.

В критике, которой подвергается у этих авторов миф, следует отметить прежде всего один существенный момент: она совершенно не затрагивает олимпийских богов. Предшественники Палефата не подвергают сомнению их моральные свойства, как это делал Еврипид, и не отвергают всю существующую мифологическую традицию за сохранение «безнравственных» представлений о богах, как это делал Ксенофан и в еще большей мере Платон. Круг интересов Гекатея и его последователей ограничивается всякого рода историями с участием людей или животных, которые кажутся невероятными и, следовательно, нуждаются в объяснении.

При этом толкование мифа может быть дано одним из двух способов. Первый из них назовем реальным, т. е. допускающим, что в основе мифа лежит преобразованное фантазией воспоминание о имевшем место событии или действительно существовавшем персонаже. Второй способ обозначим — с известной долей условности — как филологический: миф возник из неправильно понятого или переосмысленного слова.

Миф о Кербере появился потому, что на Тенарском мысе (где греки локализовали вход в подземное царство) жила ядовитая змея, чей укус был смертельным (Гекатей, фр. 27)⁸. Наоборот, дельфийский Пифон — вовсе не змей, а звероподобный злодей по имени Дракон (Эфор, фр. 31). Гиганты — не порожденные землей чудовища, а грабители, нападающие на путешественников (Деиох, фр. 5), или свирепые людоеды и нечестивцы (Эфор, фр. 34). Герийон — не трехтелый великан, а царь в Амбракии, которого Геракл победил с помощью эпейского войска, и стадо унял как добычу (Гелланик, фр. 26). Голубкой, с чьим появлением связано возникновение прорицалища в Додоне, на самом деле прозвали попавшую туда египетскую жрицу; ее речь, непонятную грекам, местные жители отождествили с воркованием птицы (Геродот. II. 54—58).

Ахилл не сражался с рекой Скамандром, а оказался близ нее, когда в результате ливней, прошедших над горой Идой, река набухла и вышла из берегов (Гелланик, фр. 28). О превращении Кикна в лебеда стали рассказывать потому, что он отличался белым цветом кожи (Гелланик, фр. 148). Что такого рода «естественнонаучные» объяснения пользовались достаточной известностью, можно заключить из платоновского «Федра», 229 de.

⁶ См. Nestle W. Vom Mythos zum Logos. Stuttgart, 1942 (перепечатана без изменений в 1966 г.). S. 131—148.

⁷ По хронологическим соображениям Эфора едва ли можно считать предшественником Палефата, и мы включаем его немногочисленные высказывания на интересующую нас тему для полноты картины, и без того не слишком богатой данными.

⁸ Нумерация всех фрагментов по FGrH. Bd 1-2, кроме Деиоха и Антиоха, ссылки на которых по: *Historicorum Graecorum Fragmenta* / Ed. C. Müller. V. I—II. Parisii, 1841—1846.

Когда Федр спрашивает Сократа, верит ли он в похищение Орифии Боре-ем, тот отвечает, что при желании миф можно объяснить иначе: северный ветер унес прочь Орифию с прибрежных скал, и из этого сложился рассказ, будто она была похищена Боре-ем. И дальше Сократ указывает, что надо иметь слишком много свободного времени для восстановления подлинного вида кентавров, химер, горгон, пегасов и прочих нелепых чудовищ — у него для этого недостаточно досуга. Заметим, однако, что объяснение того, как возникли мифы о всех перечисленных Сократом диковинных существах, мы найдем как раз у Палефата несколько десятилетий спустя⁹; попытки же такого толкования были известны, как видно, уже раньше.

Вернемся, однако, к другим мифам. Ио не мчалась, преследуемая оводом, по Европе и Азии, а была похищена финикийцами, — об этом знал уже Геродот (I.1.) Эфор же добавлял, что похитители отвезли ее в Египет, и местный царь послал ее отцу Инаху быка взамен дочери (фр. 156), — так получало объяснение превращение Ио в корову и завершение ее странствий в Египте.

Интересно, что даже из наиболее известных мифов элиминируются боги. Европу привез на Крит не Зевс в образе быка, а укрощенный Гераклом критский бык (Акусилай, фр. 15). Змей к младенцу Алкиду послала не ревнивая Гера, а сам Амфитрион, чтобы проверить, кто из близнецов является его сыном, а кто — отпрыском Зевса (Ферекид, фр. 69). Иодама, дочь беотийца Итона, не окаменела при виде головы Горгоны на щите Афины (Павсаний. IX. 34. 2), а обе они были сестрами, соревновались в военном искусстве, и Иодама была убита Афиной (Симонид-логограф, фр. 1).

Тот способ толкования мифа, который мы назвали филологическим, может быть показан сначала на двух примерах, связанных с золотым цветом. Так, руно барана, уносившего детей Афанта, стали называть золотым, потому что оно окрасилось водами Красного моря (порφρεῶδες, Акусилай, фр. 29). Золотая овечка, послужившая предметом вражды между Атреем и Фiestом, была изображена на дне серебряного сосуда (Геродор, фр. 57), — дальнейшее мы можем домыслить по методике Палефата: «Вот люди и стали говорить, что братья поссорились из-за золотой овечки». В этом же духе — еще одно объяснение Геродора (фр. 28): Аполлон и Посидон не строили стену вокруг Илиона, а Лаомедонт использовал для этой цели средства, похищенные им из храма этих богов¹⁰.

Как известно, древние греки очень любили этимологизировать имена мифических персонажей и географические названия. Восходит эта практика еще к Гесиоду (название титанов он производил от глагола *τιταίνω* — «напрягаться»; Теог. 209) и Эсхилу (Полиник — от *πόλις* и *νεῖκος* «вражда»; Семеро, 658). У предшественников Палефата такого рода этимологии тоже засвидетельствованы, хотя они не обязательно подчинены критике мифа. Так, например, название народа телебоев складывается из *τῆλε* и *βοεα* — они угнали далеко от Аргоса быков Электриона (Геродор, фр. 15). Согласно Гелланику, встречающееся у Гомера другое название Лемноса — Сиятия (Од. VIII. 294) производится от глагола *σίνεσθαι* — его обитатели разоряли соседей и вредили им (фр. 71 с). Он же вторую половину слова

⁹ По датировке А. Ф. Лосева «Федр» вместе с другими сочинениями зрелого Платона относится к периоду от 380-х до 360-х гг. (Платон. Сочинения в 3-х т. Т. 2. М., 1970. С. 5).

¹⁰ Ср. Excerpta Vaticana. С. IV.

Ареопаг возводит к глаголу *πήγνομαι* — Арес в гневе стукнул копьём (*ἔπηξε τὸ δόρυ*, — вероятно, даже сломал копьё) во время суда над ним по поводу убийства Галиррофия (фр. 38); имя Пелия — к глаголу *πελιόω*: лицо его покрылось смертельной бледностью (*ἐπελιόθη*), когда он увидел грозящую затоптать его лошадь.

Есть, однако, случаи, когда такая словесная игра в самом деле служит объяснению мифа. Гелланик слышал-де от египетских жрецов, что Осириса они называют *Ἵσιρις*, поскольку он, как бог растительности, тесно связан с увлажнением земли; поэтому и греки называют Диониса *Ἵης* как распорядителя «влажной природы» (*τῆς ὑγρᾶς φύσεως*) (фр. 176; в обоих случаях имена богов этимологически сближаются с безличным *ἕει* — «идет дождь») ¹¹.

В свою очередь Геродор совершенно своеобразно пересказывает миф о Прометее (фр. 30): он был-де царем скифов и не мог спасти своих подданных от голода, который приносили разливы реки под названием Орел (*Ἄετός*); скифы заключили своего неудачливого царя в оковы. Явившийся в те места Геракл направил реку Орел в море и освободил Прометея — отсюда и пошел рассказ об орле, терзавшем в Скифии печень (символ изобилия) Прометея.

Возвращаясь к Палефату, мы отметим у него целый ряд точек соприкосновения с уже сложившейся традицией.

Во-первых, он совершенно исключает из своих толкований богов. В связи с историей Актеона он отмечает, что Артемида может делать все, что ей угодно, но превращение человека в оленя выходит за пределы естественного порядка вещей (VI). В другой раз (XXXI) перечисляются только различные эпikleзы богини. И Зевс, если бы хотел соединиться с Европой на Крите, нашел бы более удобный способ доставить ее туда, чем предлагаемый мифом (XV). Смерть, грозящая забрать Алкестиду, не демон, с которым вступает в сражение Геракл, как у Еврипида, а естественное состояние (XL). Афина упоминается только в связи с тем, что кернейцы звали ее Горгоной (XXXI), Гермес — ради изображающей его статуи (VIII).

Затем, уже Гекатей считал многие рассказы эллинов смешными (*γελοῖοι*, фр. 1), — среди опровержений Палефата доказательство «от смехотворности» встречается семь раз (VII, XXIII, XXVI, XXX, XXXI bis, XXXVIII). Ацгиох Сиракузский, собираясь писать историю Италии, выбирает из древних рассказов только самое достоверное и очевидное (*τὰ πιστότατα καὶ σαφέστατα*, фр. 1), — Палефат с первых же слов характеризует свое сочинение как труд *περὶ τῶν ἀπίστων*. В этом предпринятии ему нельзя отказать в известном методологическом обосновании своей позиции. В предисловии он указывает: то, что однажды случилось, может повторяться и в настоящем; тех же видов и образов, которых нет сейчас, не могло быть и раньше. При этом Палефат ссылается на Мелисса и Ламиска с Самоса. Первый из них известен как философ элейской школы, возглавивший в 440 г. самосский флот в войне против афинян; второй — как друг Платона, выручивший его из плена у сиракузского тирана Дионисия в 366 г. ¹² Во всяком случае и тот, и другой составляли

¹¹ Ср. также: Геката — от наречия *ἐκὰς* «далеко» (Дион. Скитобр., фр. 1); город Теос — от союза *τέως* «пока» (Ферекид, фр. 102); Диктис — от *δικτόω* «алиεύω» (он же, фр. 10); гелоты — от поселения *Ἐλος* (Гелланик, фр. 188); герой-эпоним Милет — от того, что мать спрятала его *ἐν μιλακί* (Геродор, фр. 45 — имеются в виду, очевидно, заросли в тисовой роще).

¹² *Diog. Laert.* III. 22; *Plato.* Ep. VII 350 b.

вполне достойную кампанию для человека, взявшегося за свой труд в школе Аристотеля¹³.

Исходя из сформулированного им основного положения, Палефат неоднократно в качестве довода приводит аргумент от действительно существующего: Иксион жил в городе, который известен и теперь и называется Лариссой (I); до сих пор неподалеку от Трои показывают пещеру под названием Аргивское логово, где спрятались ахейские вожди перед штурмом города (XVI); и теперь водится в Милете порода прекраснорунных овец (XVIII); и поныне разные племена называют своих богинь именами, отличными от общепринятых: фракийцы зовут Артемиду Бендидой, критяне — Диктиной, спартанцы — Упией (XXXI); и теперь многие женщины пользуются притираниями (XXXIV); аргивяне и поныне владеют Лерной (XXXVIII; ср. также XIX, XXVIII).

В других случаях та же аргументация строится от противного: если когда-нибудь существовали кентавры, они водились бы и теперь (I); если бы из посеянных змеиных зубов вырастали вооруженные воины, то и поныне люди таким образом увеличивали бы свою мощь (III); если бы росла трава, дарующая бессмертие, то ее сумел бы разыскать не один Главк (XXVII); женского войска нигде сейчас не существует, стало быть его никогда и не было (XXXII).

Переходя к опровержению отдельных мифов, Палефат иногда ограничивается одной констатацией: «это невозможно», или «это выдуманно», или «смехотворная история» и т. п. (гл. XVI—XVII, XIX—XXI, XXVI); иногда апеллирует просто к человеческому разуму: ни конь, ни бык не могут вплавь преодолеть расстояние от Финикии до Крита, и зачем бы царская дочь взобралась на спину дикого быка (XV); невозможно представить себе, чтобы девушка обращалась в корову, в собаку или в птицу (XXIII), чтобы у одного тела были три головы (XXIV), чтобы человек, равно как и конь могли летать на крыльях (XII, XXVIII).

Чаще, однако, Палефат приводит «естественнонаучное» опровержение мифа. Невозможно поверить в существование кентавра хотя бы потому, что пища у людей и лошадей различна и через человеческую глотку не может пройти конский корм (I). Точно так же и химеры никогда не существовало, ибо змея, лев и коза едят разную пищу (XXVIII). Нельзя поверить в соединение Пасифай с быком, потому что животные перед случайной обнюхивают друг у друга половые органы, а представители различных видов, даже столь близких, как олень и газель, между собой не спариваются (II). Лисе не под силу нести на себе человека (V), а барану — переплыть Эгейское и Черное море за три или четыре дня, не получая к тому же еды и питья (XXX). Человек не может жить в море, если в нем не водятся даже речные рыбы (XXVII). Противоестественно, чтобы люди могли заключать договор с рыбами (XXXVII) и чтобы Геракл мог уклониться от нападения всех остальных голов Гидры, пока он сшибал одну из них (XXXVIII).

Как же все-таки возникает миф? Здесь Палефат приводит две уже известные нам причины: неправильно истолкованное реальное событие и неправильно понятое слово. Часто созданию мифа способствуют обе эти причины, вместе взятые.

¹³ О том, можно ли возводить тезис Палефата к мысли Аристотеля, что ничто невозможное не рождается (Ретор. II. 19. 1392 а 15 сл.), мнения разделились: Феста (Op. cit. P. XL) высказывается за это допущение, Нестле (Op. cit. S. 151. Anm. 107) — против.

Начнем с толкований мифа, не связанных с их словесной оболочкой. Сосланный Миносом к пастухам Минотавр не пожелал возвращаться в город, а выкопал глубокую яму и заперся там. Когда Минос хотел казнить кого-нибудь, он велел сбросить его в яму, где Минотавр убивал свою жертву,— так возник миф о лабиринте (II). Линкей первым стал добывать драгоценные металлы, и сложилось представление, будто он видит даже то, что находится под землей (IX). Кеней и Кикна считали неуязвимыми — на самом деле оба умерли не от ран, и поэтому люди стали верить в их неуязвимость (X, XI). На охоте потерялись Аталанта, Меланион и Каллисто, а искавшие их, встретив львов и медведя, решили, что люди превратились в зверей (XIII, XIV). Ахейцы и не думали прятаться в конюху, а соорудили его такой величины, что троянцам пришлось разобрать часть стены,— в этот пролом и ворвались сидевшие в засаде воины (XVI).

Местра, дочь Эрисихфона, вовсе не превращалась в разных животных, а вымогала их у женихов в качестве предсвадебных подарков (XXIII). Главк из Анфедона был прекрасным ныряльщиком и, нырнув в одном месте, выходил на поверхность моря там, где его уже никто не мог увидеть, а потом и вовсе пропал — отсюда миф, будто он и до сих пор живет в море (XXVII). Дедал не летал на крыльях, а только показался летящим его преследователям, так как челн с раздутыми парусами мчался вперед при сильно дующем ветре (XII). Амазонок никогда не было на свете, а женщинами прозвали воинов из какого-то племени, бривших бороду и носивших длинные одежды (XXXII). Ио бежала из дому, спасаясь от отца и граждан, так как тайно забеременела, и в Египет ее доставили купцы (XLII).

Орфей своей игрой увлек с горы в долину вакханок, которые спустились вниз, неся в руках нарфеки и ветви,— люди сделали из этого вывод, будто за Орфеем следовали деревья (XXXIII — античный вариант предсказания о Бирнамском лесе!). Пандора злоупотребляла притираниями — это истолковали так, что она вылеплена из глины (XXXIV). Кербер — один из псов, стороживших стада Герiona; когда Геракл привел Кербера вместе с коровами в Микены, один местный житель выкупил его у пастухов и запер в пещере на мысе Тенаре. О нашедшем его там Геракле стали говорить, что он вывел Кербера из Аида (XXXIX).

Амфион не приводил камни в движение игрой на кифаре, а желавшим послушать его игру велел потрудиться на строительстве стены (XLI). Медея первой поняла, какую пользу приносит парная баня, но никому не открывала секрета. Поскольку же люди, пройдя эту процедуру, сбрасывали вес и выглядели помолодевшими, Медее приписали способность омолаживать стариков, погружая их в кипяток (XLIII). Геракл, плененный Омфалой, готов был исполнить любое ее желание, а глупые люди поняли это так, будто он был отдан ей в услужение (XLIV).

Перейдем теперь к объяснениям мифа, основанным у Палефата на перетолковании значения слов.

Название воинов, выросших из зубов убитого Кадмом Дракона, — «посеянные» (σπάρτοι) — Палефат объясняет таким образом, что противники Кадма, похитив хранившиеся в храме слоновьи бивни (он их обозначает словом *ὀδόντες*, как и всякие зубы), затем рассеялись по всей Элладе (III). В тех же Фивах был знатный человек по имени Лис, которого царь изгнал, опасаясь заговора. Тогда он занял недалеко стоявший холм Тевмесий, обзавелся единомышленниками и стал уводить в плен захваченных им кадмейцев — так возникло сказание о Тевмесской

лисе (V); (хотя слово *ἄλωπῆξ* — женского рода, но может быть, как и по-русски, употреблено о хитром человеке вообще).

Как и в случае с Лисом, для объяснения целого ряда других, неправильно понятых событий служит у Палефата превращение имени собственного в имя нарицательное. Человек из свиты Миноса, соблазненный Пасифаей, носил имя Тавр, т. е. Бык, из чего возникло предание, что Пасифая зачала от быка (II). Быком звали и кносского полководца, напавшего на Тир и пленившего там много девушек во главе с царской дочерью, — отсюда миф о быке, который похитил Европу и доставил ее на Крит (XV). Имя ближайшего друга и советника Афананта было Баран; это он увез на корабле из Коринфа Фрикса и Геллу, — люди же поняли, будто их спас чудесный баран (XXX). Таким же близким человеком к Форкидам был некто, которому они доверяли как собственному глазу; соответственно он получает у Палефата имя Глаз, и оно дает объяснение мифу о том, как три Форкиды пользовались одним глазом (XXXI). Прорицатель Полиид исцелил Главка, якобы подсмотрев секрет оживления у змей, — на самом деле на целебную траву указал ему некий врач по имени Дракон (XXVI — между змеей и драконом древнегреческий язык не делал особого различия, а Палефат и тем более).

Нам эти объяснения, может быть, покажутся наивными, однако имя Дракон было широко распространено в Греции. Несколько меньше — имя Крий (Баран), но так, по схолиям к аристофановским «Птицам» (ст. 645), звали якобы героя-эпонима дема Крийи; так звали и знаменитый атлет, воспетый Симонидом, и песнь эту помнили в Афинах еще в 20-е годы V в. — см. «Облака» Аристофана, 1365, и схолий к ним, из которого мы и знаем, что Симонид использовал игру слов, возникающую из имени Крия — Барана. Такая же игра слов засвидетельствована Геродотом (V. 50). Крием звали и отца, и сына эгинца Поликрита (Геродот. V. 73; VIII. 92), а также евбейского царя и спартанского прорицателя (Павсаний. X. 6. 6; III. 13. 3—4). Что же удивительного, что имя Крий мог носить воспитатель Фрикса? Добавим к этому, что и в русских фамилиях Баранов, Козлов, Волков, Орлов, Соколов и т. п. сохранилось воспоминание о «звериных» именах их прародителей.

Что касается имени Глаз (*ὄφθαλμός*), то среди греческих имен оно не засвидетельствовано, но Аристофан, выводя в «Ахарниах» персидского посла Царево Око (*ὁ βασιλέως ὄφθαλμός*, 91—94), конечно, помнил, что верных персидскому царю людей зовут его «глазами» (ср. Эсхил. Персы. 979—984; Ксенофонт. Киropедия. VIII. 2. 10). Почему бы и верному советнику Форкид не прозываться Глазом?

Противоположным приемом надо считать полное перетолкование имени собственного, чему у Палефата тоже есть достаточно примеров. Образцом здесь могло служить отождествление реки *Ἄετός* с орлом у Геродора.

По античной традиции кентавры родились из тучи, которой Зевс придал облик Геры, чтобы обмануть покусившегося на нее Иксиона. Эту божественную сторону дела Палефат опускает, а происхождение кентавров объясняет тем, что некие молодые люди из деревни под названием Туча приучили лошадей к верховой езде, чтобы с их помощью одолеть стадо диких быков, свирепствовавших на горе Пелионе и в окрестных поселениях. Так как до тех пор никто не видел людей верхом на лошадях, то смотрешшие издали на наездников принимали их за некое смешанное существо родом из Тучи (I).

Сфинга — не чудовище, а амазонка, жена Кадма, которую он оставил

ради Гармонии. Узнав об этом, она заняла гору Фикион и стала преследовать фиванских граждан в засаде, которую беотийцы называли загадочной (IV). Эол был не царем ветров, а звездочетом, научившим Одиссея по расположению звезд угадывать приближение бури (XVII). Скилла — не чудовищная смесь женщины со змеей, а название тирренского корабля, разбойничавшего в море вокруг Сицилии и в Ионийском заливе (XX). Точно так же и Пегас — не крылатый конь, а название корабля Беллерофонта. Потому про него и говорили, что он явился со своим Пегасом (XXVIII). Гарпии — не хищные птицы, а дочери Финея (XXII). Химера — пропасть среди гор, из которой вырывался огонь, на одной из ведущих к ней дорог жил лев, на другой — дракон (XXVIII).

Горгона была золотой статуей Афины; отобрав ее у Форкид, Персей распилил статую на части и украсил ее головой нос корабля, на котором он плыл по Эгейскому морю и вымогал дань с островитян. Потому люди и говорили, что Персей прибыл с головой Горгоны (XXXI). Кит, нападавший на троянцев, — не хищная рыба, а некий великий царь (XXVII). Гидра — не пятидесятиголовая змея, а пограничная крепость в Лерне; стену ее сторожили 50 лучников, и когда Геракл стал метать в них огонь, место одного погибшего занимали двое новых (XXXVIII).

Другие мифы возникли, согласно Палефату, потому, что последующие поколения слишком буквально поняли слова своих предшественников, в частности, приняли отвлеченное значение за конкретное. Простейший случай — история коней Диомеда. Они, конечно, не думали есть людей и особенно — своего хозяина. Их прозвали людоедами за то, что Диомед загубил на них все свое имущество (VII; ср. XXV, о Главке, который из-за расходов на лошадей совсем сошел на нет). Так же и у Актеона, чрезмерно увлекавшегося охотой, вся жизнь пошла прахом, и люди стали говорить: «Съели его собаки», как и сейчас про разорившегося сводника говорят: «Съели его девки» (VI). Сюда же относится миф о похищении Пелопом Гипподамии на крылатых конях, — так назывался его корабль («Крылатые кони»), а не знавшие этого поняли выражение: «Умчал на „крылатых конях“» в прямом значении слова (XXIX). Ниоба после смерти детей велела поставить на их могиле свое изваяние из камня — из разговоров о том, что на могиле стоит каменная Ниоба, позже возник миф о ее превращении в камень (VIII).

Если существует предание, будто Дедал делал движущиеся статуи, то и оно обязано плохо понятому высказыванию древних. Дедал, согласно Палефату, первым отошел от воспроизведения человеческих фигур с тесно сомкнутыми ногами, а стал изображать их с выставленной вперед ногой (процесс, как известно, действительно имевший место при переходе от архаики к классической пластике). И вот люди стали говорить, что Дедал «сделал статуи идущими», — отсюда и миф, будто его статуи были способны передвигаться (XXI).

Алкестида, по Палефату, являлась не супругой, а двоюродной сестрой Адмета, у которого она нашла приют от преследовавшего ее брата Акаста. Когда же Адмет, выйдя из осажденного города, попал в плен к Акасту, Алкестида решила не губить своего защитника и добровольно отдала себя в руки Акаста. Оказавшийся вскоре в гостях у Адмета Геракл пошел войной на Акаста и отбил у него Алкестиду. Люди же стали говорить, что он вырвал женщину из рук самой смерти (XL).

В пределах таких же «филологических» средств остается Палефат, объясняя, почему Гериона и Кербера считали трехговыми, а Котта и Бриарея — сторукими. Первые происходили из города Трехглавие,

вторые — из города Сторучье; и слова «Герион (Кербер) из Трехглавия» кто-то понял так, что они были о трех головах; при Сторуких это объяснение не приводится, но, по-видимому, предполагается (XIX, XXIV, XXXIX).

Иногда такая лингвистическая интерпретация основывается на игре слов, причиняющей достаточно забот переводчику.

В гл. XXXV Палефат опровергает миф о происхождении мелийцев (Μελίαι) из ясеней (по-гречески: μελίαι); на самом деле, люди из деревьев не возникают, а название этого племени произошло от некоего Мелия, как эллинов — от Эллина и т. п. Миф о яблоках Гесперид Палефат перетолковывает, исходя из омонимии: τὸ μήλον обозначает и яблоко, и представителя мелкого домашнего скота — овцу, козу. Не веря ни в волшебниц Гесперид, живущих на краю света, ни в существование золотых яблок, ни в сторожащего их дракона, Палефат объясняет дело таким образом, что Геракл отправился к дочерям Геспера в Карию за стадом великолепных овец, которых поэтому и называли золотыми. Убив пастуха по имени Дракон, Геракл вернулся домой, и люди говорили: «Видели мы великолепных овец (χρυσᾶ μήλα) Гесперид». Позднее это стали понимать как «золотые яблоки» Гесперид.

Такого же рода объяснение в гл. XLV, где словом κέρα обозначается и рог животного и изделие из рога — шкатулка или ящичек.

Нельзя не признать, что объяснения Палефата носят иногда достаточно натянутый характер, превосходя подчас своей искусственностью даже самый миф. Вероятно, поэтому некоторые исследователи нового времени относятся к его сборнику без особого почтения¹⁴. Однако в послеантичные времена его хорошо знали и много читали; отклики на толкования Палефата, кроме уже упомянутого Евсевия, встречаются у Иоанна Малалы, Цеца, Евстафия¹⁵. Дошло до нас в общей сложности свыше 30 рукописей различного достоинства, содержащих «О невероятном». Они датируются от XIII до XVI в.¹⁶

Первое печатное издание Палефата (вместе с баснями Эзопа) вышло, как уже указывалось, в Венеции в 1505 г. у Альда Мануция. Затем Палефата неоднократно издавал на протяжении XVI в. болонский филолог Филипп Фазианино; в XVII в. к Палефату обращались в Голландии К. Толли (Амстердам, 1649), в Швеции — М. Бруннер (Упсала,

¹⁴ Ср. *Susemihl F. Geschichte der griechischen Literatur in der Alexandrinerzeit. Bd 2. Lpz. 1892. S. 54f.*: Палефат «еще более плоско, произвольно и рискованно, если это возможно, чем Дионисий Скитобрахий, Мнасей и Евгемер, старался объяснить все наиболее естественным образом»; Блюменталь: труд Палефата «из-за его невыразимо плоского рационализма остается всего лишь свидетельством трудно понимаемой фазы античного мышления» (RE. S.v. Palaephatos. Sp. 1255). Благожелательнее оценивают Палефата в последнее время, считая содержание его труда «занимательным и поучительным», а многие толкования — не более причудливыми, чем у современного английского мифолога Грэйвса (*Osmun G. F. Palaephatus — pragmatic mythographer // ClJ. 1956. V. 52. P. 131—137*). Другой исследователь, перечисляя целый ряд объяснений Палефата, называет их «ясными», «очевидными», «разумными», «приближающимися к исторически вероятному» (*Kahlo G. Vermischte Randbemerkungen // Ziva Antica. 1972. V. 22. P. 183 s.*).

¹⁵ *Wipprecht F. Quaestiones Palaephatae. Bonnae, 1892. P. 12—14.*

¹⁶ С одной из них (конец XIII — начало XIV в.) связана почти детективная история. Преподававший в Москве Х. Ф. Маттеи, склонный ко всякого рода авантюрам и мистификациям, выдрал 20 листов, содержащих текст Палефата, из московского синодального кодекса и в 1788 г., переехав в Мейсен, продал их Дрезденской библиотеке. Теперь этот кодекс, исконно значившийся как *Mosquensis*, именуется в рукописной традиции Палефата под пифром d (*Dresdensis*).

1663); в Великобритании — Т. Гейл (Кэмбридж, 1670; Амстердам, 1688), в Германии — П. Патер (Франкфурт, 1685 и 1687). Ближе к нашему времени находится выпущенное шесть раз подряд за короткий срок с 1761 по 1789 г. издание Палефата, осуществленное в Лейпциге И. Ф. Фишером. Затем «О невероятном» вошло в известное собрание греческих мифографов А. Вестерманна (1843 г.), который в предисловии указал на сложности, ожидающие издателя этого сочинения: между рукописями существуют труднопреодолимые расхождения в составе сборника и порядке изложения, не говоря уже о лакунах и неудовлетворительном в целом ряде случаев состоянии текста.

Выходили в XIX в. также издания «О невероятном» для школьного употребления, иногда со специальными словарями¹⁷ — на свое слово в изучении рукописной традиции Палефата они, естественно, не претендовали.

Новую эпоху в этой области открыли исследования итальянских филологов — ученика Вителли Николо Фесты¹⁸, к которому вскоре присоединился и сам Вителли¹⁹. Выступление Фесты вызвало отклики у двух немецких ученых²⁰. Итоговой работой стало издание «О невероятном» тем же Фестой в 1902 г. в тойбнеровской серии греческих мифографов²¹. С этого издания сделан наш перевод.

С тех пор сочинение Палефата не привлекало к себе особого интереса. Почти за 90 лет нашего века появилось менее 10 посвященных ему работ, в том числе одно испанское издание. Интересна заслуживает статья голландского исследователя П. Шрийверса, считающего, что Палефат послужил главным источником для Лукреция в его критике мифа²².

В России Палефат был переведен полностью в первый и последний раз около двухсот лет тому назад²³, причем издатель его снабдил свой перевод обширными комментариями с указанием параллельных мест к сюжетам, затронутым Палефатом, и собственными попытками толкования мифов, объясненных греческим автором. Сейчас перевод Туманского, разумеется, устарел и в научном отношении, и по части языка, но заслуживает упоминания полемика, развернувшаяся между переводчиком и его рецензентом в «Московском журнале»²⁴, который издавал Н. М. Карамзин. Хотя Туманский отвечал своему рецензенту довольно запальчиво, а порою и неоправданно резко, Карамзин счел нужным поместить его письмо с той целью, «чтобы критика и антикритика приносила пользу нашей литературе» (с. 278). Отводя же обвинения по адресу рецензента, Карамзин писал: «В рецензии на Палефата нет никакой неучтивости: иначе я не

¹⁷ *Palaephatus. De incredibilibus. Mit erklär. Anm. u. einem griechisch-deutschen Wörterbuch für Schulen von I. D. Büchling. 3. Aufl. Halle; Palaephatus. Griechisch mit erklär. Wörterbuche nach den Kapiteln. Sowohl zum Schulgebr. als zum Selbstunterricht. von I. H. Math. Ernest. Lpz, 1816.*

¹⁸ *Festa N. Intorno all'opuscolo di Palefato de incredibilibus considerazioni. Firenze — Roma, 1890.*

¹⁹ *Vitelli Gi. I manoscritti di Palefato // Studi Italiani di Filologia classica. 1893. V. I. P. 241—379. См. там же дальнейшие работы Вителли и Фесты: 1895. V. III. P. 31—34; 1896. V. IV. P. 185—191; 225—256; 1901. V. IX. P. 495—507; 1902. V. X. P. 21—28, 433—436.*

²⁰ *Wipprecht. Quaestiones Palaephatae; Schrader J. Palaephata. B., 1893.*

²¹ См. прим. 3.

²² *Schrijvers P. H. Lucretius verslaat de mythen // Lampas, 1982. V. XV. S. 355—370 (известна мне только по описанию).*

²³ Палефата, греческого писателя, о невероятных сказаниях. Преложил и примечаниями своими изъяснил Федор Туманский... СПб., 1791.

²⁴ Московский журнал. 1792. Ч. V. С. 137—148, 277—290, 379—390.

поместил бы ее в Московском журнале» и специально указывал, что замечания рецензента «касаются только до книги, а не до особы господина переводчика» (с. 280, 282).

После Туманского отдельные главы из Палефата (XXX — целиком, XXXII и XLIII — в выдержках) перевел в своих «Известиях древних писателей...» В. В. Латышев²⁵, а затем рассказ о кентаврах (гл. I) подробно изложил в «Истории греческой литературы» В. О. Нилендер²⁶.

Наконец, шесть глав из Палефата, переведенные Т. Миллер, вошли в сборник «Памятники поздней античной научно-художественной литературы II—V вв.» (М., 1964) — надо, впрочем, признать, что даже при самой вольной датировке Палефата едва ли есть основания относить его ко времени Римской империи!

²⁵ См. ВДИ. 1947. № 3. С. 250 сл.

²⁶ История греческой литературы. Т. III. М., 1960. С. 403 сл.

ПАЛЕФАТ О НЕВЕРОЯТНОМ

ВСТУПЛЕНИЕ

Вот что я написал о невероятном. Люди легковверные, не будучи приобщены к знанию и мудрости, верят всему, что им говорят; те же, кто по природе наделен умом и любознательностью, считают, что ничего в этом роде случиться не могло. Мне же кажется, что все, о чем говорят, существует, но только не обозначения возникли раньше и нет слова, с которого все началось, а сначала произошло событие и уже затем рассказ о нем. А тех видов и образов, о которых говорят, что некогда они были, а теперь их нет, стало быть, их и не было. Если же что-то где-нибудь и когда-нибудь и возникло, то и теперь оно случается и повторяется. Я, в частности, всегда хвалю писателей Мелисса и Ламиска с Самоса, которые выставляют основополагающий довод: «То, что родилось, то и сейчас существует»¹. Потом поэты и писатели превратили что-нибудь из случившегося в невероятное и вызывающее удивление ради того, чтобы удивлять² людей. Я же уверен, что не может быть таких чудес, о которых говорят, и понимаю дело таким образом, что если бы ничего не произошло, то об этом бы и не говорили.

И вот, обойдя множество стран, я спрашивал у старых людей, что они слышали о каждом из таких случаев, и теперь пишу то, что я узнал о них. Каждую местность я видел сам, какова она в действительности, и написал не по чужим рассказам, а сам везде был и все исследовал.

I. О КЕНТАВРАХ³

О кентаврах говорят, что были такие животные, имевшие во всем внешность коня, кроме головы — та была у них человеческая. Однако если кто-нибудь верит, что существовало такое чудовище, то это

¹ Переведено по интерпункции Блюменталья: *ἐν ἀρχῇ — λέγοντας — ἔστιν. ἃ ἐγένετο...* и т. д.

² Тавтология оригинала: *θαυρασώτερον, τοῦ θαυμάζειν ἐνεκα.*

³ Традиционная версия: от соития Иксиона с тучей, которой Зевс придал облик Геры, родился некий Кентавр, соединившийся затем с фессалийскими кобылицами.

невозможно. Ибо и природа коня и человека ни в чем не созвучна, и пища у них не похожа, и не могут человеческий рот и глотка пропустить через себя конский корм. Если же такое создание было некогда, оно бы существовало и теперь. Истина же вот в чем.

Когда в Фессалии царствовал Иксион, на горе Пелионе одичало стадо быков, которое делало недоступными окрестности гор. Ибо, вторгаясь в поселения, быки наносили ущерб деревьям и плодам, а вместе с ними губили и домашний скот. Итак, Иксион возвестил, что даст много денег тому, кто истребит этих быков, и какие-то юноши из предгорья, из деревни, называвшейся Туча, придумывают приучить коней к верховой езде. (Ведь раньше они не умели ездить верхом на лошадях, а только запрягали их в повозки.) И вот так, севши на коней, погнали их туда, где находились быки; и напав на их стадо, стали метать в них копыя. Когда быки начинали их преследовать, юноши обращались в бегство (ведь лошади были быстрее быков); когда же быки останавливались, люди, повернув лошадей, снова метали в них копыя. И таким-то образом их истребили. Отсюда они и получили название Кентавров, потому что закололи быков⁴. (Вовсе не от внешнего вида быков, ибо у быка нет ничего общего с кентаврами; их внешность представляет смесь коня и человека. Свое имя они получили от совершенного ими дела.)

Итак, кентавры, получив от Иксиона деньги и гордясь своим делом и богатством, стали насильничать и совершать дурные дела, в том числе и по отношению к самому Иксиону, который жил в городе, называемом теперь Ларисса (в те времена жители этой местности звались лапифами). И вот, когда однажды лапифы позвали кентавров на пир⁵, те, опьянев, хватают их жен, заставляют их сесть на коней и мчатся вместе с ними к себе домой. Затем кентавры, нападая на лапифов, стали вести с ними войну; спускаясь ночью в долину, они устраивали им засады; с наступлением дня, похитив, что можно, и предав огню остальное, кентавры убегали в горы. Когда они таким образом отступали, то смотревшим на них издали представлялось со спины, что это лошадь, за исключением головы, а остальным — что это люди, кроме ног. Видя эту необычную картину, люди говорили: «Нападают на нас кентавры из Тучи». От этого их вида и такой истории невероятным образом сочинили миф, что из тучи на горе родилось существо, в котором соединились конь и человек.

Отсюда и пошли существа, заимствовавшие верхнюю половину от отца, нижнюю — от матерей. См. *Пиндар*. Пиф. II. 37—48. Здесь и далее в ссылках не преследуется цель дать полную сводку античных источников мифа, подвергавшегося толкованию Палефата. Приводятся или наиболее древние источники, которые мог иметь в виду Палефат в своей критике, либо в чем-либо различающиеся, либо, наконец, поздние, но содержащие более обстоятельное изложение мифа, чем то, которое находится в кратких резюме Палефата. Заголовки к главам I—XLV даны издателями нового времени.

⁴ Названию «кентавры» Палефат производит от глагола *κεντέω* «колоть» и существительного *ταύρος* «бык».

⁵ По традиционной версии кентавры были приглашены на свадьбу царя лапифов Пирифоя. Его борьба с кентаврами упоминается уже у Гомера: *Ил.* II. 742—744; *Од.* XXI. 295—304. Этот сюжет нашел отражение на западном фронте олимпийского храма Зевса. Более позднее и живописное изображение битвы лапифов с кентаврами: *Овидий*. *Метам.* XII. 210—536.

О Пасифае передают историю, что она влюбилась в пасущегося быка, и Дедал сделал деревянную корову, запер в нее Пасифаю, и, таким образом, бык, покрыв ее, соединился с женщиной; она забеременела, и родился ребенок с человеческим телом, но с головой быка. Я же утверждаю, что такого не могло быть. Прежде всего невозможно, чтобы одно живое существо полюбило другое, при том что у них мужской и женский органы не подходят друг к другу. Невозможно, чтобы собака или обезьяна, или волк, или гиена соединялись друг с другом, или газель с оленем (ведь даже это разные породы), ни чтобы, соединившись, производили потомство. Еще менее вероятным представляется мне, чтобы бык сошелся с деревянной коровой. Ведь всякое четвероногое перед случкой обнюхивает органы размножения другого и, таким образом, покрывает его. Затем, женщина бы не выдержала, если бы на нее взобрался бык, и не могла носить в себе зародыш с рогами. Истина же вот в чем.

Минос, говорят, страдал болезнью члена, и его лечила дочь Пандиона Прокрида за щенка и дротик ⁷ <...>. В это время в свите Миноса был юноша выдающейся красоты по имени Тавр (Бык). Охваченная любовью к нему, Пасифая убедила его сойтись с ней и родила от него дитя. Минос же, рассчитав время, пока он болел, и поняв, что это ребенок не от него, поскольку <тогда> ⁸ он не спал с женой, разведал все тщательным образом и выяснил, что ребенок рожден от Тавра. Однако убить младенца он не решился, считая его как бы братом своим сыновьям. Он отправляет его в горы, чтобы, выросши, тот изведаль среди пастухов долю слуги. Но юноша, возмужав, не стал слушаться пастухов. Узнав об этом, Минос приказал ему явиться в город, чтобы завладеть им; если он пойдет добровольно, пусть идет сам; если не захочет — связать его. Прознав про это, юноша удаляется в горы и живет там, воруя пищу. Когда Минос отправил множество воинов, чтобы захватить его, тот, соорудив глубокую

⁶ Традиционная версия: по просьбе критского царя Миноса, сына Зевса и Европы, Посидон посылает на Крит красавца-быка, которого Минос обещает затем принести богу в жертву. За то, что Минос нарушил обещание, Посидон (или Афродита по его просьбе) внушает Пасифае противоестественную любовь к быку. Плодом этого союза становится мальчик с бычьей головой и копытами (Минотавр), которого Минос заключает в построенный для этой цели лабиринт. Ему на съедение он регулярно отправляет афинских юношей и девушек, присылаемых Миносу в качестве дани. Конец этому позорному обычаю кладет Фесей, который проникает в лабиринт, убивает Минотавра и с помощью Ариадны выбирается наружу вместе со спасенными им афинянами. См. *Плутарх*. Фесей. 15—19; *Аполлод.* III. 1. 3—4; 15.8; Эпитома. I. 7—9. Моналог Пасифаи, объясняющей возникновение ее страсти, из недошедшей трагедии Еврипида «Критяне» стал в наше время известен благодаря папирусной находке. См. *Nova fragmenta Euripidea in papyris reperta* / Ed. C. Austin. B., 1968. P. 55—57.

⁷ Прокрида обычно считается дочерью не Пандиона, а его сына Эреффея. После того как ее муж Кефал изблещил ее в измене (по другой версии — спровоцированной им самим), Прокрида бежала на Крит и была ласково принята Миносом. См. *Аполлод.* III. 15.1. Там же — о мрачных последствиях, которые имело для женщин, кроме Пасифаи, соединение с Миносом, и о средстве, с помощью которого избежала этой участи Прокрида, получившая в дар от Миноса охотничью собаку и не знавший про маха дротик. Подробнее — у Автолина Либерала (Метам. XLI). В тексте Палефата эти подробности, по-видимому, выпали. После лагуны Феста постулирует слово *Κεφαλον*, — т. е. пропущенной предполагается история о возвращении Прокриды в Афины и примирении с Кефалом. См. *Овидий*. Метам. VII. 672—864, где объяснение причины ревности Прокриды удивительно напоминает методу Палефата: услышав, как супруг призывает Ауру («Ветерок»), желая охладиться после охоты, Прокрида заподозревает в ней соперницу.

⁸ Дополнение Фесты: <τότε>.

яму, заперся в ней. Туда ему стали потом сбрасывать коз и овец, и так он жил, питаясь ими. Когда же Минос хотел казнить кого-нибудь, он отправлял этого человека к Минотавру, запертому в своем жилище, и тот его убивал. Захватив Фесея, явившегося воевать с ним, Минос отвел его в то место, где жил Минотавр, с расчетом, что он погибнет. Тогда Ариадна посылает Фесею в заточение меч, с помощью которого тот убил Минотавра. Вот как это случилось, а поэты обратили историю в невероятную.

III. О ПОСЕЯННЫХ⁹

Некая древняя история рассказывает, что Кадм, убив змея и выдрав у него зубы, засеял ими расположенную поблизости землю, из которой затем выросли люди в полном вооружении. Если бы это было правдой, то каждый человек стал бы сеять не что-нибудь другое, а только змеиные зубы. И если бы в другой земле они не выростали, то сеяли бы их в той земле, из которой они раньше выросли. Истина же вот в чем.

Кадм, будучи по происхождению финикийцем, явился в Фивы, намереваясь оспорить у своего брата Финика право на царство. Царем в Фивах был тогда Дракон, сын Ареса, обладавший всем, что полагается царю, и в том числе слоновьими бивнями. Убив его, Кадм воцарился в Фивах, но друзья Дракона объявили ему войну, и сыновья его вступили в сражение с Кадмом. Когда друзья Дракона потерпели поражение в битве, они, расхитив богатства Кадма и слоновьи бивни¹⁰, хранившиеся в храме, бежали восвояси. Все они рассеялись кто куда: одни в Атику, другие в Фокиду, в Локриду, на Пелопоннес. Оттуда они двинулись войной против фиванцев и были опасными противниками, так как говорили все на одном языке и знали местность. Поскольку же они в свое время бежали, похитив бивни, то фиванские граждане говорили: «Вот какие бедствия причинил нам Кадм, убив Дракона. Ибо из-за хранившихся у него бивней много знатных мужей стали *посеянными* и теперь воюют с нами». Так было дело, а к нему присочинили миф.

IV. О КАДМЕЙСКОЙ СФИНГЕ¹¹

О кадмейской Сфинге рассказывают, что была она чудовищем с телом собаки, крыльями птицы, с женской головой и лицом, а голосом человеческим. Сидя на горе Фиксион, она каждому из граждан задавала загадку и

⁹ По традиционной версии Кадм, отправленный отцом на поиски Европы и нигде не найдя ее, получил от дельфийского оракула указание прекратить поиски и основать город на том месте, где ляжет отдохнуть корова, за которой он должен следовать по выходе из святилища. Здесь, однако, Кадму пришлось вступить в сражение с драконом, растерзавшим его спутников. Убив дракона, Кадм по совету Афины засеял поле его зубами, из которых выросли «посеянные» (*спартои*) воины. К этим спартам впоследствии возводили свое происхождение важнейшие герои фиванских мифов. См. *Еврипид*: Финикиянки. 638—675; *Овидий*. Метам. III. 6—130; *Аполлод.* III. 4.1.

¹⁰ *ὄδοντες* — игра слов (зубы — тоже *ὄδοντες*), которую по-русски передать невозможно.

¹¹ Сфинкс — по-гречески женского рода (*ἡ Σφίγξ*), и склонение этого слова по-русски по типу слов мужского рода («стол») — укоренившаяся нелепость. Выбранная здесь форма «Сфинга» позволяет эту нелепость устранить. В наиболее древней версии (*Гесиод*. Теог. 319—327) имя хищницы было Фикс, поскольку она обитала на горе Фиксион; она обладала способностью заглатывать добычу, и Эдипу пришлось выступить против нее с оружием в руках (*Павс.* IX. 26. 2). Образ Сфинги — полуженщины-полульвицы, как и приписываемая ей загадка, — более позднего происхождения. Эта версия изложена у *Аполлод.* III. 5.8.

того, кто не мог ее разгадать, тотчас растерзывала. Когда же Эдип разгадал загадку, она бросилась со скалы и разбилась. История эта — невероятная и невозможная, ибо такое существо вообще не может возникнуть, а чтобы оно еще поедало людей, не умеющих отгадать загадку, — детская выдумка. И вовсе вздор, чтобы кадмейцы не могли застрелить чудовище, а только бы взирали, как оно поедает их граждан как своих врагов. Истина же вот в чем.

Кадм, будучи женат на амазонке по имени Сфинга, явился в Фивы и, убив дракона, получил во владение царство вместе с его сестрой по имени Гармония¹². Сфинга, узнав, что он женился на другой, убедила многих граждан отправиться вместе с ней, похитила множество царских сокровищ и захватила быстрого пса, которого привел с собой Кадм. Вместе с верными ей людьми она удалилась на гору, называемую Фикион; отсюда она стала вести войну с Кадмом. Устраивая засаду, она время от времени истребляла тех, кого удавалось похитить. Засаду же кадмейцы называют *загадкой*. Итак, граждане говорили, негодуя: «Свирепая Сфинга похищает нас, укрепившись в загадке. И сидит она на горе. Разгадать же загадку никто не может, а сражаться с ней впрямую невозможно. Она не бегаёт, а летает, и одновременно и женщина и собака». Тогда Кадм возвещает, что он даст много денег тому, кто убьёт Сфингу¹³. И вот Эдип — коринфянин, славный в военном деле, явился на быстром коне, составил отряды из кадмейцев и, выступив ночью и устроив в свою очередь засаду Сфинге, нашел загадку и убил Сфингу. Вот как было дело, а все остальное придумано.

У. О ТЕВМЕССКОЙ ЛИСЕ

О тевмесской лисе говорят, что она похищала и поедала кадмейцев¹⁴. Это глупость. Ибо нет такого зверя, живущего на суше, который бы мог нести похищенного человека, а лиса вообще мала и слабосильна. Произошло же что-то в таком роде.

Некий фиванский благородный муж, которого звали Лис, был хитрым злодеем, а по сообразительности превосходил всех людей. Местный царь, опасаясь, как бы тот не составил против него заговор, изгнал его из города. Тогда Лис, собрав большое войско с наемниками в придачу, захватил холм, называвшийся Тевмесий. Укрепившись здесь, он напал на фиванцев и уводил их в плен; и люди стали говорить: «Лис на нас нападает и потом скрывается». Тут приходит человек по имени Кефал¹⁵, родом афинянин, во главе большого войска, в качестве союзника фиванцев. Он убил Лиса и изгнал его войско с Тевмесия. Так это произошло, а превратилось в миф.

¹² По традиционной версии Гармония — дочь Ареса и Афродиты. Однако, поскольку и дракон считался порождением Ареса, Палефат не слишком ошибается, делая Гармонию его сестрой.

¹³ Призыв Кадма к греческим героям избавить Фивы от Сфинги — достаточно известный мотив. По одной из древних, дософокловских, версий Эдип потому и оказался в Фивах и стал мужем Иокасты, что откликнулся на зов Креонта, победил Сфингу и получил в награду руку недавно овдовевшей царицы. См. *Еврипид*. Финикиянки. 42—52.

¹⁴ Ср. *Павс.* IX.49.1; против нее выступил Амфитрион, будущий отец Геракла (*Аполлод.* II. IV. 6—7).

¹⁵ Кефал попал у Палефата в эту историю потому, что Амфитрион пытался изловить тевмесскую лису с помощью знаменитой охотничьей собаки, доставшейся Кефалу от Миноса (см. прим. 7).

Говорят, что Актеон был растерзан собственными собаками; но это ложь. Ведь собака особенно любит своего хозяина и кормильца, в остальном же охотничьи собаки подчиняются всем людям. Другие рассказывают, что Артемида превратила Актеона в оленя, которого собаки и растерзали. Я же считаю, что Артемида может сделать, что хочет, но не соответствует истине, чтобы человек превращался в оленя или олень в человека. Историй эти сочинили поэты, чтобы, слушая их, люди не возносились над божеством. Истина же вот в чем.

Актеон был по происхождению из Аркадии и очень любил псовую охоту. Он вечно содержал множество собак и охотился с ними в горах, а своими домашними делами пренебрегал. Люди же тогда все были земледельцами, слуг не имели, сами для себя обрабатывали землю, и тот был самым богатым, кто, возделывая землю, был наиболее трудолюбивым. У Актеона же, пренебрегавшего домашними заботами, а больше всего преданного псовой охоте, жизнь вся пошла прахом. И поскольку у него никогда ничего не было, люди стали говорить: «Несчастный Актеон, съели его собственные собаки» — ведь и сейчас, если кто разорится, занимаясь сводничеством, мы обычно говорим: «Съели его девки». Такая же история приключилась и с Актеоном.

VII. О КОНЯХ ДИОМЕДА

Смешно слушать, когда про коней Диомеда говорят, что они ели людей¹⁷. Ведь это животное куда больше радуется сену и ячменю, чем человеческому мясу. Истина же вот в чем.

Поскольку в древности люди были земледельцами и таким способом добывали себе еду и имущество, возделывая землю, кто-то особенно стал заботиться о содержании лошадей и до того им радовался, что загубил свое имущество и, продавая все, растратил деньги на корм для лошадей. Тогда близкие к нему люди прозвали его лошадей людоедами. К этому происшествию и прибавили миф.

VIII. О НИОБЕ¹⁸

Говорят, что Ниоба, будучи живой женщиной, превратилась в камень на могиле своих детей. Кто верит, что человек превращается в камень или камень в человека, тот глуп. Истина же вот в чем.

Когда у Ниобы умерли дети, она велела изготовить и поставила на могиле свое каменное изображение. Проходящие мимо люди говорили: «Каменная Ниоба стоит на могиле — мы сами ее видели», как и теперь говорят: «Я сидел у медного Геракла» или «Находясь у паросского Гермеса». Так было и в тот раз. А вовсе не сама Ниоба стала каменной.

¹⁶ По наиболее древней версии Актеон был наказан богами за то, что выступал соперником Зевса в отношении Семелы, либо похвалялся своим превосходством в охотничьем искусстве над Артемидой (*Еврипид*. Вакх. 337—340). Более известный вариант, будто Актеон увидел Артемиду обнаженной во время купания, — сравнительно позднего происхождения. См. *Аполлод.* III. 4. 4; *Овидий*. Метам. III. 138—252.

¹⁷ О фракийском царе Диомеде, который кормил своих кобылиц человеческим мясом и был убит Гераклом, см. *Диод. Сиц.* IV. 15, 3—4; *Аполлод.* II. 5. 8. См. также гл. XL.

¹⁸ По традиционной версии Ниоба потеряла всех детей, так как оскорбила своей похвалой титаниду Лето, мать Аполлона и Артемиды (*Аполлод.* III. 5. 6; *Павс.* II. 21. 9; V. 16. 4). Что касается ее превращения в камень, то, по одному варианту, это сделал Зевс по ее просьбе (Аполлодор), по другому — Ниоба оцепенела от горя и ветер унес ее окаменевшую фигуру на ее родину, в Ликию (*Овидий*. Метам. VI. 302—312).

IX. О ЛИНКЕЕ

Говорят, что Линкей видел даже то, что было под землей¹⁹. Это явная ложь. Истина же вот в чем.

Линкей первым начал добывать медь и серебро и прочие ископаемые. Добывая металлы, он брал под землю светильники и оставлял их в месте разработки, сам же выносил мешки меди и железа. И вот стали говорить люди: «Линкей видит даже то, что под землей, и, погружаясь в нее, выносит наверх серебро».

X. О КЕНЕЕ

Про Кенея говорят, что он был неуязвим²⁰. Кто повторяет, что какой-нибудь человек не может быть ранен железом, тот несет чепуху. Истина же вот в чем.

Кеней был родом фессалиец, славный военной доблестью и умеющий сражаться. Принимая участие во многих сражениях, он ни разу не был ранен и выжил даже, сражаясь вместе с лапифами против кентавров. Когда же те все-таки схватили Кенея, они засыпали его одного землей, и так он скончался. И вот лапифы, раскопав его мертвое тело и не найдя ни единой раны на нем, стали говорить: «Кеней всю жизнь был неуязвим и умер, не получив раны».

XI. О КИКНЕ²¹

Такую же точно историю рассказывают о Кикне из Колон²², что и он-де был неуязвим. Но и он был копейщиком и сведущим в сражении. А умер он под Троей от камня, брошенного в него Ахиллом, и даже тогда не был ранен. Итак, люди, видя его тело, говорили, что он был неуязвим, как и теперь говорят о борцах, если кто избегает ранения. Так и эти оба — Кеней и Кикн — были прозваны неуязвимыми. Изобличает же лживость этих слов и мне служит свидетелем Аякс, сын Теламона. Ведь и того называли неуязвимым²³, а он умер, нанеся сам себе рану мечом.

XII. О ДЕДАЛЕ И ИКАРЕ

Говорят, что Минос по какой-то причине²⁴ запер у себя Дедала вместе с его сыном Икаром, но Дедал сделал крылья и, приспособив их обоим, взлетел вместе с Икаром. Однако немисливо представить себе, чтобы

¹⁹ Ср. *Пиндар*. Нем. X.62 сл.; *Аполлод.* III.10.3.

²⁰ Первое свидетельство о неуязвимости Кенея — папирусный отрывок из Акусилая (фр. 22 Якоби = Р. Оху. XIII. 1611, фр. 1, кол. II). См. также *Аполл. Родос.* I. 57—64; *Аполлод.* Эпитома. I. 22; *Овидий.* Метап. XII. 459—532; *Антонин Либерал.* Метап. XVII.

²¹ Из нескольких Кикнов, известных в греческой мифологии, здесь речь идет о сыне Посидона, принявшем участие в начале Троянской войны. Придя с флотом на помощь троянцам, он долго мешал высадке ахейцев, пока не погиб так, как пишет Палефат (ср. *Аристотель.* Риторика. II. 1396 b 16—18). Подробнее — *Овидий.* Метап. XII. 72—145.

²² Колоны — город в Троеде, в котором царствовал Кикн (*Страбон.* XIII. 589; *Павс.* X. 14.1).

²³ О неуязвимости Аякса см. конец античного предисловия к «Аяксу» Софокла — сам Софокл этого мотива избегает, так как он сделал бы немислимым самоубийство героя. Это и имеет в виду Палефат.

²⁴ Минос заподозрил Дедала в том, что он помог Ариадне вывести из лабиринта Фесея, и заключил в лабиринте его самого (*Аполлод.* Эпитома. I.42). Описание полета Дедала — *Овидий.* Метап. VIII 210—235.

человек летал, да при том еще на прилаженных к нему крыльях. То, о чем рассказывают, было так.

Находясь в темнице, Дедал пролез через оконце и протащил сына, а затем, взяв челнок, отплыл. Минос, узнав об этом, посылает корабли их преследовать. Когда преследователи увидели беглецов, те показались им, при яростно дующем ветре, летящими. И затем беглецы, плывя по морю при попутном южном ветре с Крита, повернули в сторону. Дедал спасся, достигнув земли, Икар же погиб (с тех пор по нему море было названо Икарийским²⁵), и отец похоронил его труп, выброшенный волнами.

XIII. ОБ АТАЛАНТЕ И МЕЛАНИОНЕ²⁶

Говорят, что Аталанта и Меланион превратились в льва и львицу. По правде же было вот как.

Аталанта и Меланион вместе охотились, и Меланион уговорил девушку сойтись с ним. Для этого они вошли в какую-то пещеру, а в ней было логово льва и львицы. Услышав голоса, звери вышли из пещеры, напали на спутников Аталанты и растерзали их. Некоторое время спустя лев со львицей снова вышли из пещеры, и люди, охотившиеся вместе с Меланионом, увидев их, решили, что спутники Аталанты превратились в этих зверей. Ворвавшись в город, они разнесли весть, что люди Аталанты превратились в львов.

XIV. О КАЛЛИСТО²⁷

И о Каллисто существует такая же история, что, охотясь, она превратилась в медведицу. Я же утверждаю, что и она забрела где-то в чащу и повстречалась медведице, которая ее сожрала. Те же, кто охотился вместе с ней и видели, как она вошла в чащу, а оттуда не вышла, сказали, что девушка превратилась в медведицу.

XV. О ЕВРОПЕ²⁸

Говорят, что Европа, дочь Финика²⁹, влекомая быком, прибыла по морю из Тира на Крит. Я же считаю, что ни конь, ни бык не преодолели такого пути в море и что девушка не взобралась на дикого быка. Наконец, и Зевс³⁰, если бы хотел, чтобы Европа прибыла на Крит, нашел бы для нее другой, более удобный способ передвижения. Истина же вот в чем.

²⁵ Ср. *Страбон*. XIV. 639.

²⁶ Эта история изложена в дошедшем тексте Палефата достаточно путано. Не упоминается о том, что Аталанта отвергала женихов, и только Меланиону удалось ее перехитрить; затем, согласно традиции, они были превращены Зевсом в львов за то, что осмелились предаться любви в его священном участке (ср. *Аполлод.* III. 9.2). Из рассказа Палефата, впрочем, вообще не ясно, кто превратился в львов — герои рассказа или свита Аталанты. У Овидия (*Метам.* X. 560—705) спутником Аталанты назван Гиппомен.

²⁷ По распространенной версии мифа аркадская нимфа Каллисто, спутница Артемиды, была обольщена Зевсом и превращена в медведицу то ли им самим, чтобы скрыть ее от Геры, то ли разгневанной Артемидой. См. *Аполлод.* III. 8. 2; *Овидий*. *Метам.* 409—507.

²⁸ Традиционная версия мифа: *Аполлод.* III.1.1; *Овидий*. *Метам.* II. 836—875.

²⁹ Отцом Европы источники чаще называют Агенора.

³⁰ Упомянув Зевса, Палефат, очевидно, предполагает, что читатели знают общераспространенную версию мифа.

Некий кносец по имени Бык воевал тирийскую землю. Под конец он похитил из Тира множество девушек и в их числе царскую дочь Европу. Итак, люди стали говорить: «Бык удалился, владея царской дочерью Европой». Такие произошли события, к которым присочинили миф.

XVI. О ДЕРЕВЯННОМ КОНЕ³¹

Говорят, что лучшие из ахейцев, находившиеся в полом деревянном коне, ниспровергли Троию. История эта совершенно выдумана. Истина же вот в чем.

Ахейцы соорудили деревянного коня размером выше ворот, чтобы его нельзя было втащить в город, — он превосходил ворота величиной. Сами же вожди засели в пещере у города, которая и до сих пор зовется Аргивское логово. Синон, явившись перебежчиком от аргивян к троянцам, говорит им, что, согласно предсказанию, ахейцы вернутся, если троянцы не введут коня в город, а если введут, те никогда больше не явятся. Услышав это, троянцы разбирают стену и вводят в город коня. И пока они молились богам, эллины вламываются в город через то место, где была разобрана стена. Так и был взят Илион.

XVII. ОБ ЭОЛЕ

Говорят, что Эол был человеком, который властвовал над ветрами и вручил их Одиссею в мехе³². Что такое не могло случиться, это, я думаю, всем ясно. Вероятно, Эол, будучи звездочетом, рассказал Одиссею, какие ветры дуют в какое время и при восходе каких созвездий. Говорят также, что город Эола был обнесен медной стеной³³, и это тоже ложь. Просто у него были гоплиты, которые сторожили его город.

XVIII. О ГЕСПЕРИДАХ

Говорят, что Геспериды были какими-то женщинами и у них были золотые плоды на яблоне, которую сторожил дракон³⁴, — за этими яблоками и отправился в поход Геракл. Истина же вот в чем.

В Кarii жил Геспер родом из Милета, имевший двух дочерей, которых звали Гесперидами. И были у него прекрасные плодовые овцы (порода эта и теперь водится в Милете), почему их и называли золотыми. Ведь самое прекрасное — золото, а эти овцы и были прекрасными. К тому же овцы приносят хороший *приплод*. Итак, Геракл, увидев этих овец пасущимися у моря, загнал их на корабль, а их пастуха по имени Дракон <убил Овец> он отвез домой, когда Геспера уже не было в живых, остались только его дочери. Вот люди и стали говорить: «Видели мы золотые плоды, которые принес от Гесперид Геракл, убив их сторожа Дракона». Отсюда и пошел миф.

³¹ История о строительстве деревянного коня упоминается уже в «Одиссее» (IV. 271—289; VIII. 492—520). Дальнейшие события излагались в недошедших киклических поэмах «Малая Илиада» и «Гибель Илиона». Сейчас для нас основным источником является вторая книга «Энеиды» Вергилия (провокация Синона — ст. 57—199).

³² Гом. Од. X. 1—75.

³³ Там же. Ст. 3 сл.

³⁴ Гесиод. Теог. 215 сл.; Аполлод. II. 5. 11.

Разве это не глупость, что Котт и Бриарей, будучи людьми, имели по сто рук ³⁵? Истина состоит в следующем.

Городу, в котором они жили, название было Сторуцье ³⁶, а находился он в Хаонии ³⁷, сейчас ее называют Орестиадой. Свидетельством мне служит, что они вместе с Олимпийцами принимали участие в сражении против титанов. Места же эти, где шло сражение, граничат с Олимпом ³⁸. Итак, люди стали говорить: «Котт и Бриарей, сторукие, придя на помощь олимпийцам, сами изгнали титанов с Олимпа.»

(Окончание следует)

³⁵ *Гом.* Ил. I. 402—406; *Гесиод.* Теог. 147—153. Гомер называет одного Бриарея, Гесиод прибавляет еще третьего — Гиеса, и в обоих источниках Сторукие — не люди, а титаны, порождение Урана и Геи.

³⁶ Сторукие — *Ἐκατόρχειρες*; город, придуманный Палефатом, — *Ἐκατορχεῖρια*.

³⁷ Хаония — область в северо-западной части Эпира.

³⁸ О борьбе олимпийцев с титанами и об участии в ней Сторуких — *Гесиод.* Теог. 624—686. Местом сражения служило пространство между фессалийскими горами Олимп и Офрис, захваченной титанами.